

Этнокультурные образы повседневности в прозе современных евразийских писателей

Айгерим Е. Бекмуратова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан,

Динара А. Худайбердина

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются этнокультурные образы в прозе современных писателей, взрослые которых происходило в центрально-азиатских республиках (Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан) на рубеже XX–XXI вв. Обосновывается целесообразность использования термина 'евразийский' и / или 'русскофонный' по отношению к писателям, которых ранее исследователи определяли термином 'русскоязычный', имея в виду билингвальных авторов, выбравших языком творчества русский язык, но этнически не являющихся русскими. Синтез русской языковой системы и нерусской системы образов обусловил существование особой литературы, которую однозначно не соотносят ни с русской литературой, ни с иной национальной литературой. Это особый пласт литературы, создаваемый творческими личностями с не единичной, полихромной картиной мира и нередко с не единичной этнической идентичностью.

Материалом послужили произведения Сухбата Афлатуни, Вадима Муратханова, Санджара Янышева, Шевкета Кешфидинова, Александра Гриценко, Ильи Одегова, созданные на русском языке, но отражающие нерусскую систему образов.

Показано, что в отличие от предшествующего поколения советских, этнически нерусских, но русскоязычных авторов, прозаическим произведениям этих писателей характерна интровертная поэтика образности. Отмечено их обостренное чувство самоидентификации и саморефлексии, детерминированное социальными и политическими переменами, связанными с процессом распада СССР и неизменно сопутствующими экзистенциальными потребностями. Анализу подверглись этнокультурные образы повседневности: ритуально-обрядовая жизнь (обрезание), элементы т. н. симпатической магии, вера в метаморфизм (превращение), артефакты, несущие метафизическую нагрузку (оберег, амулет), пространство — базар и музей, артефакт гастрономии (хлеб — лепешка). Отмечена схожесть антропологических тенденций и экзистенциальных проблем, воплощенных в художественной образности прозаических произведений названных выше авторов. Выявлено, что поэтика этнокультурных образов, созданных вышеуказанными писателями, отражает наделенную экзистенциальными функциями мифологию повседневности — без осмысления и описания которой невозможен процесс формирования новой исторической памяти.

Ключевые слова: евразийский; мифология повседневности; артефакт; этнокультурный образ; национальный образ; транскulturация; ритуально-обрядовая жизнь; обреза́ние; базар; музей

Для цитирования:

Бекмуратова А. Е., Худайбердина Д. А. Этнокультурные образы повседневности в прозе современных евразийских писателей // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 231–245. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.13>

Бекмуратова Айгерим Ермековна — старший преподаватель кафедры практического английского языка Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: Казахстан, 041609, Алматинская область, с. Бескагаш, ул. Сабыра Рахимова, д. 1807/17. Эл. адрес: aigerim375@mail.ru

Худайбердина Динара Азреталиевна — докторантка кафедры русской филологии и мировых языков филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050038, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: dinara.azretaliyeva@gmail.com

Article

Ethnocultural images of everyday life in the prose of modern Eurasian writers

Aigerim E. Bekmuratova

Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,

Dinara A. Khudaiberdina

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes ethnocultural imagery in the prose of contemporary writers who came of age in the Central Asian republics (Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan) at the turn of the 20th and 21st centuries. It substantiates the appropriateness of using the terms “Eurasian” and/or “Russophone” in reference to writers previously categorized by scholars as “Russian-language”—a designation that referred to bilingual authors who chose Russian as the language of their creative work, while not being ethnically Russian. The synthesis of the Russian linguistic system with a non-Russian system of imagery has given rise to a distinct literary tradition that cannot be unequivocally identified either with Russian literature or with any other national literature. This body of work constitutes a unique stratum of literature created by individuals possessing a non-singular, polychromatic worldview and, frequently, a hybrid or multiple ethnic identity.

The primary materials for this study are works written in Russian by Sukhbat Aflatuni, Vadim Muratkhanov, Sandzhar Yanashev, Shevket Keshfidinov, Alexander Grishchenko, and Ilya Odegov, whose prose, while rendered in Russian, conveys a non-Russian system of imagery.

It is demonstrated that, unlike the preceding generation of Soviet authors —ethnically non-Russian but writing in Russian—the prose of these contemporary writers is marked by an introverted poetics of imagery. Their heightened sense of self-identification and self-reflection is shown to be conditioned by the socio-political transformations associated with the dissolution of the USSR and the accompanying existential demands. The analysis focuses on ethnocultural images of everyday life: ritual practices (circumcision), elements of so-called sympathetic magic, belief in metamorphism (transformation), artifacts imbued with metaphysical significance (protective talismans, amulets), and spaces such as the bazaar and the museum, as well as a gastronomic artifact—the flatbread. The study notes convergences in anthropological tendencies and existential concerns as reflected in the artistic imagery of the selected authors. It reveals that the poetics of ethnocultural imagery in their works expresses a mythology of everyday life, endowed with existential functions—without the comprehension and representation of which the formation of a new historical memory becomes impossible.

Keywords: *Eurasian; mythology of everyday life; artifact; ethnocultural image; national image; transculturation; ritual and ceremonial life; circumcision; bazaar; museum*

For citation:

Bekmuratova A. E. and Khudaiberdina D. A. Ethnocultural images of everyday life in the prose of modern Eurasian writers. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 231–245. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.13>

BEKMURATOVA, Aigerim Ermekovna, Senior Lecturer, Department of Practical English, Abay Kazakh National Pedagogical University. Postal address: 1807/17 Sabyra Rakhimova St., 041609, Almaty, Kazakhstan. Email: aigerim375@mail.ru

KHUDAIBERDINA, Dinara Azretaliyevna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. Email: dinara.azretaliyevna@gmail.com

Введение

Художественную прозу, созданную писателями, генезис которых отличает не единичная, а «полихромная» картина мира, детерминированная синтезом русской языковой системы и нерусскостью этнокультурного и ментального контекстов, и ныне инерционно называют «русскоязычной» литературой. С конца 1960-х и по 1980 гг. в рамки этого определения, как правило, включались произведения этнически нерусских советских авторов.

Прошло более тридцати лет после распада СССР, изменились не только географические карты и названия бывших советских республик, колористика флагов и топонимика населенных пунктов, но и реальное бытие людей и заботящие их экзистенциальные проблемы. Все эти обстоятельства обусловили социальный контекст и появление нового поколения писателей на т. н. «шестой части суши», среди которых есть и не соотносимые с конкретным этносом. На русском языке они создают образы, не свойственные русской этнокультуре, потому что объективно существующая среда в конкретной географической локальности и сами люди с их особыми традициями, обычаями и нравами формируют картину мира писателей, становление которых с детства происходило в постсоветских странах.

Как вид художественного творчества литература неотрывно связана с социально-политической реальностью. Неудивительно, что в публицистическом дискурсе современные писатели евразийского ареала именуются «писателями евразийского содружества / пространства». Осмысляя феномен евразийства в диалоге литератур, казахстанский ученый Ш. Р. Елеукунов отмечает: «Евразийское пространство рождает особый этнический тип, схожий с азиатскими и европейскими типами, но и не совпадающий с ними» (Елеукунов, 2013: 264). Известный критик, литературовед и киновед Л. А. Аннинский пишет о том, что единство людей, говорящих на разных языках, живущих под разными флагами, формирует все же евразийский континент, а это, несомненно, выше «любой другой “национальной” идеи» (Аннинский, 2001: 308).

Под условным, не зафиксированным в соответствующих академических изданиях термином «евразийские писатели» мы имеем в виду современных авторов с не единичной картиной мира, детерминированной их происхождением и становлением в евразийской «ойкумене». В данной статье мы привлекаем примеры из художественной прозы писателей, возрастной диапазон которых варьируется от 30 лет до немногим за пятьдесят. Им свойственна «полихромная» картина мира, обусловленная местом их происхождения, в том числе — «полукровством». Эти произведения отличаются от произведений старшего поколения русскоязычных писателей второй половины XX века.

Этнокультурные образы, ставшие предметом нашей работы, синонимичны «национальным образам мира» Г. Д. Гачева, известным также под названием «Этнические картины мира» (*Ethnic Pictures of the World*). Это «многоотное сравнительное описание культур и миропониманий разных народов» (Бахтикиреева, 2024: 11), в котором уникальный ученый представил «теоретическое познание сущности, “души” и “духа” каждого народа» (Гачев, 2002: 7), важно для науки и общества. Наблюдения и выводы Г. Д. Гачева — «своего рода точки опоры, на которые можно опереться, оттолкнуться, переосмыслить, сравнить с другими знаниями, дополнить собственными умозаключениями, а значит прирастить новое» (Бахтикиреева, 2024: 12). Транслируя язык быта и вещей на язык идей и смыслов (Гачев, 2002: 9), Г. Д. Гачев подводит нас к выводу о том, что становление каждого человека обусловлено местом и окружающей исторической и социально-культурной средой, которые влияют на объективацию этим человеком предметов и явлений мироздания: «Индивидуум, выросший в атмосфере определенной национальной культуры, одарен ею талантом особого видения явлений бытия — даже в физике, не говоря уже об искусстве и поэзии. Национальная природа и дух питают интеллект и воображение, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями» (Гачев, 2008: 14).

Мы не хотим сказать, что иноэтнотипные образы не могут быть созданы русскими авторами изнутри русской культуры. Напротив, русская литература богата примерами описания «чужого» средствами русского языка. Как отмечают исследователи с опорой на труды Ю. М. Лотмана и Г. Д. Гачева, созданные русскими писателями образы Запада и Востока конструировались «по контрасту с наблюдаемой ими русской действительностью» (Бахтикиреева, 2009: 155–156). Образ западного человека очень мало был похож на реального западника своей эпохи, потому что писатели плохо знали Запад. По Г. Д. Гачеву, многие произведения А. С. Пушкина наполнены восточными мотивами, как

и произведения Л. Н. Толстого о Кавказе и Крыме. Однако, Г. Д. Гачев оставляет эти «слишком родные и заманчивые сюжеты» и пытается «постигать Восток, а не русский миф о нем» (цит. по: там же: 156). Подобное произошло и с М. М. Пришвиным, поехавшим по заданию журнала «Русское богатство» на короткий срок в «неизвестную», «дику» в те годы страну». По мнению критиков, пришвинская повесть «Черный араб» (1907) стала Книгой Бытия, но не реальным бытием, не отражением реальных социальных перемен, происходивших в ту эпоху в Киргизии (Бахтикиреева, 2009: 75, 152).

Таким образом, целью нашего исследования является анализ этнокультурных образов, демонстрация общности поэтики евразийских авторов. Объектом является литература евразийских авторов, взросление и становление которых проходило «в атмосфере определенной национальной культуры», чей «интеллект и воображение» напитаны «особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями» (Г. Д. Гачев). Предмет — этнокультурные образы в прозе евразийских авторов нового поколения.

Задачи: а) показать отличие в изучении творчества русскоязычных писателей старшего и нового поколения; б) раскрыть отношение писателей нового поколения к месту и времени (базар, музей); в) рассмотреть этнокультурные образы из круга ритуалов и обрядов, сакральных артефактов, гастрономических реалий повседневности (еда, хлеб).

Методы: герменевтический, социально-исторический, семантико-контекстуальный, биографический.

Источниковой основой для нас послужили прозаические произведения, в которых воссозданы иноэтнокультурные образы средствами русского языка: нерусские герои, нерусские города, нерусские обычаи, нерусские артефакты: рассказ «Обрезание»¹ и очерк «Первородный грех колониста»² Вадима Муратханова, родившегося и выросшего в Кыргызстане; рассказ «Бульбуль»³, «Русский музей»⁴, «Ночь коротка», повесть «Глиняные буквы, плывущие яблоки»⁵ Сухбата Афлатуни, рассказ «Баллада о патыре»⁶ Санджара Янышева, рассказ «Ребро барана»⁷ Александра Грищенко, рассказы «Волчицы»⁸ и «Прости грехи наши»⁹ Шевкета Кешфидинова, родившихся и выросших в Узбекистане; «Крылатая невеста Махди» Ильи Одегова, выросшего и живущего в Казахстане.

Теоретико-методологическая основа

Поэтика — одна из старейших дисциплин литературоведения, изучающая художественную систему писателя, литературную эпоху и жанр на разных этапах его развития, художественное произведение. Поэтика этнокультурных образов, входя в проблемное поле исследований, изучающих национальное своеобразие литературы и национальный характер русскоязычного художественного текста, достигла особой популярности в 1970–1980-х годах.

Подробный анализ этих работ не является нашей целью. Однако для выявления разницы в изучении русскоязычного творчества старшего и нового поколения евразийских писателей, полагаем необходимым представить общее впечатление в отношении ряда работ, характерных для этого периода. По нашему мнению, противопоставление «национального» «советскому» несет идеологический налет. Не случайно в номинации — «русскоязычная литература», Е. В. Абдуллаев усматривает «кентавризм» термина, обусловленного «идеологической алхимией» (Абдуллаев, 2006: 322).

Особенности национального характера, рассматриваемые во взаимосвязи с фольклором, подвигли исследователей к выводу об устремленности национального характера в будущее и потому не

¹ Муратханов В. Приближение к дому: Поэзия и проза. Алматы: Искандер, 2011. С. 138–143.

² Муратханов В. Первородный грех колониста // Дружба народов. 2005. № 8. С. 164–174.

³ Афлатуни Сухбат. Бульбуль: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 363–380.

⁴ Афлатуни Сухбат. Русский музей: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 5–14.

⁵ Афлатуни Сухбат. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020.

⁶ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 74–75.

⁷ Грищенко А. Ребро барана: Рассказ // Октябрь. 2009. № 6. С. 139–146.

⁸ Кешфидинов Ш. Р. Волчицы: Рассказ // Новый Орёл+XXI век. 2023. № 38. С. 13–14.

⁹ Кешфидинов Ш. Р. Прости грехи наши: Рассказ // Звезда. 2024. № 10. С. 9–10.

связанности его «с отжившей национальной психологией»¹. Другой автор, отмечая влияние русской литературы на другие национальные литературы, в национальном литературном опыте усматривала «отжившее» и противопоставляла его «гуманному», «советскому»². К. Х. Касумзаде под национальным характером подразумевает выдающуюся личность или личность героическую, характерные черты которой никак не сводятся к разным «несознательным» проявлениям³. Другой исследователь отмечала темы добра и зла, человека и мироздания и другие, как главные черты русскоязычной литературы⁴ и т. д. Во всех этих работах писалось о всеобщем, универсальном, очевидном, что не подвергается сомнению, но вместе с тем, в них транслировались «советские» идеологемы.

В последние два десятилетия появились работы, посвященные лингвистическому осмыслению «пограничной» / «маргинальной», транслингвальной, транскультурной, т. н. русскофонной⁵ личности и созданных ею художественных текстов. С лингвистической позиции изучаются разновидности творческого билингвизма (Хухуни, Валуйцева, 2021: 227–233). Исследователи, работающие на стыке лингвистики и литературоведения, рассматривают соотношение этнической и языковой идентичности билингвальных авторов и особенностей их русскоязычных текстов (Токарева, 2024; Бахтикиреева, Валикова, 2022; и др.⁶), предлагают для рассмотрения своего рода *навигационную карту* для исследовательских стратегий при изучении транслингвального текста в мировом пространстве (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021), изучают и ряд других проблем, имеющих отношение к нашей работе. Например, истоки транслингвизма / русскоязычия и история становления транслингвальной литературы на основе русского языка (Бахтикиреева, Валикова, 2017); философские аспекты креативного билингвизма («плодотворная дихотомия», «внезаходимость», «шизофреническая ситуация» и др.) (Бахтикиреева, 2009: 201–217). Все эти исследования свидетельствуют о том, что русскофонная литература, созданная авторами с не единичной картиной мира по сию пору не причисляема однозначно ни к русской, ни к другой национальной литературе. Даже в названии опубликованного в 2017 г. журнала «Дружба народов» материала с симптоматичным названием «Среди других миров ...» Русская и русскоязычная литература на постсоветском пространстве» т. н. русскоязычная литература отделена от русской национальной литературы. Эти материалы были предоставлены самими современными писателями из евразийских стран⁷.

В работах литературоведов стало заметным акцентирование внимания на постсоветской проблематике транскультурных литературных процессов (Шафранская, 2023). Сложный, поликультурный, полидомный, а значит — транскультурный феномен писателя, этнического узбека Хамида Исмаилова, его метасознание исследуется Г. Т. Гариповой⁸. Концентрируясь на полидомности как транскультурном феномене исследователь изучает проблему поиска идентичности, свойственную «пограничным», транскультурным личностям (Гарипова, 2024). В диссертации У. В. Овчаренко анализируется национальное самосознание этнически русских казахстанских писателей и «русскоязычных» этнических казахов: Р. Сейсенбаева, Д. Накипова и др., относимых ею к транс-

¹ Мынжасарова К. Ж. Проблема национального характера в казахской советской прозе: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. С. 99.

² Канафина К. Д. Национальное и интернациональное в советской литературе (на материале творчества двуязычных писателей): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 47, 64.

³ Касумзаде, К. Х. Национальное и интернациональное в азербайджанской литературе: дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1984. С. 131.

⁴ Давыдова Т. Т. Роль народно-поэтических традиций в обогащении повести Средней Азии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 31.

⁵ Бахтикиреева У. М. в настоящее время предлагает термин «русскофонный» вместо русофонный, предлагает ей ранее в работе (см.: Бахтикиреева, 2021: 11–17).

⁶ Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма: языковая и этническая идентичность билингвальной личности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; Гринберг С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах : автореф. ... дис. ... к. филол. наук. М., 2011.

⁷ «Среди других миров ...» Русская и русскоязычная литература на постсоветском пространстве // Дружба народов. 2017. № 10. С. 236–256.

⁸ Гарипова Г. Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021.

культурному вектору¹. Тенденции «языкового беспамятства» писателей-этнофоров рассматривает А. А. Арзамазов (Арзамазов, 2021). Издаются учебные пособия для вузов, посвященные транскультурной литературе².

В совокупности научная литература, отвечающая нашим поискам, подводит к ряду выводов. Прежде всего, уверенно можно говорить о том, что проблемное поле, связанное с творчеством «русско-язычных» писателей, остается одним из актуальных направлений филологической науки. Основной фокус исследовательских интересов сходит в точку изучения транскультурного самосознания евразийских писателей, формирование которого происходило на рубеже веков и рубеже разлома империи — в тот исторический период, когда взамен коммунистической идеологии выдвигались новые аксиологические парадигмы. Последнее невозможно без работы с историческими травмами XX в., создания мест памяти, описания собственных травм, что убедительно показал русско-британско-американский исследователь — литературовед и культуролог А. М. Эткинд (Эткинд, 2016). Совершая «работу горя» по своим родным, он соотносит эту работу с обще-культурной «работой горя», обусловленной социальными катастрофами XX в., в которой участвовать должны и литература, и все виды искусств, и социальные сети. Такая работа необходима для формирования новой исторической памяти.

Саморефлексия, самоанализ перечисленных выше авторов выражается, в частности, образно-эстетической репрезентацией мифологической повседневности, связанной с представлениями отдельного человека и народа о мире и «атмосферой определенной национальной культуры» (Г. Гачев), в которой происходило личностное становление современных авторов. Далеко не случайно Е. Абдуллаев пишет: «Санджар Янышев живет в Москве, Вадим Муратханов в подмосковных Электроуглях, Шамшад Абдуллаев — в Алма-Ате, Хамид Исмаилов в Лондоне. И для всех них Узбекистан остается важной, активно разрабатываемой темой»³. Эту тему можно конкретнее определить как тему *genius loci*, разрабатываемую евразийскими авторами отнюдь не с целью создания экзотической иллюминации или «восточного колорита». Они решают проблемы, имеющие более глубокий смысл, которые можно назвать коммеморативными — связывающими человека с прошлым различными артефактами, пространственно-культурными институциями и другими реалиями.

Этнокультурные образы из ритуально-обрядовой повседневности

Вадим Ахматханович Муратханов — поэт и прозаик, родившийся в Бишкеке (1974 г. р.), переехавший в 16-летнем возрасте в Ташкент, с 2004 г. живущий в России⁴, говоря о новом поколении «русскоязычных» писателей, отметил, что создаваемая ими литература по стилю и ментальности проблематично соотносится с русской литературой⁵. Творчество своих коллег по перу он определяет как «пограничное явление», возникшее «на стыке эпох, в момент крушения имперского мифа и зарождения новой, постколониальной истории Центральной Азии», устойчивость которым придаёт «нога, стоящая на азиатской почве»⁶. Собственное творческое сознание он определяет как «между *там* и *здесь*, между *тогда* и *сейчас*»⁷.

Рассказ В. Муратханова «Обрезание» повествует об обряде инициации, воспринятом глазами пятилетнего мальчика. Имя его в повествовании не упоминается.

¹ Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

² Гарипова Г. Т., Шафранская Э. Ф. Локальные тексты в русской литературе: учебное пособие. М.: Юрайт, 2022; Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Кешфидинов Ш. Р. Русская транскультурная литература XXI века: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023.

³ Абдуллаев Е. Исчезает языковая среда — скукоживается литература // Дружба народов. 2017. № 10. С. 242.

⁴ Вадим Муратханов [Электронный ресурс] // «Журнальный зал» — литературный интернет-проект. URL: <https://magazines.gorky.media/authors/m/vadim-murathanov?ysclid=m4jkeitjfl572202087> (дата обращения: 14.11.2024).

⁵ См.: Русская литература в Средней Азии: Пути и перспективы: материалы круглого стола с участием литераторов Узбекистана и Казахстана // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 130.

⁶ Муратханов В. К вопросу о «школе» // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 119.

⁷ Там же; курсив источника. — Авт.

Появление в доме большого количества гостей самого разного возраста, сопровождавшегося танцами, угощениями, аплодисментами, остался в детской памяти навсегда. Гости были и почетные, редкие, как, например, аммашка, легендарная старушка, которую её внуки Расул и Азам привели с далекого проспекта «50 лет Киргизии»¹. Двух братьев рассказчика, Аколика и Марипика, уже прошедших обряд обрезания, одаривали конфетами и подарками, «хрустящими деньгами с Лениным на одной стороне»².

Об этих впечатлениях, врезавшихся в детскую память, рассказчик повествует, будучи уже зрелым человеком. Он вспоминает о том, что до случая инициации он не видел подобного обилия подарков и заинтересованного внимания к своим братьям, ни один из его сверстников не удостоивался такого почитания³. Несмотря на изобилие угощений, мама мальчика не позволила съесть ему даже самсу, сказав, что это можно сделать только после ухода гостей.

Изумление мальчика от увиденного на этом мероприятии получило свое продолжение в особом его поступке на следующее утро. Он толкает в спину своего брата Аколика, стоящего на ступенях и собиравшегося справить нужду в туалете, расположенного во дворе. Еще «больной» Аколика, упал, распластавшись словно паучок. Невнимание, ошеломившее сознание рассказчика накануне, искало выход и была отомщено таким образом.

Анализируя эту ситуацию, исследователи полагают, что став взрослым мужчиной, рассказчик признается себе в непонимании собственного поступка в детстве. Вероятно, это было своего рода мезью, возмездием за то, что он не прошел подобный обряд? Возможно, это было глубокой детской обидой за то, что он полукровка, полурусский, не такой, как его братья? (Колмогорова, 2015: 269). Однако в тексте не упоминается «полурусскость». По всей видимости, Т. Колмогорова ассоциирует образ мальчика в контексте биографии самого автора рассказа узбекско-русского происхождения — В. Муратханова. Следует отметить, что «полурусскость» транслируется в других его рассказах, однако об этом не повествуется в рассказе «Обрезание».

Как нам представляется, душевная травма мальчика проявилась таким образом от осознания своей инаковости и выпадения из общего ряда. Это со всей очевидностью проявляется не только в ситуации почестей и подарков. Когда он попросил прошедших инициацию братьев откинуть одеяло, то клочки черной, густой бараньей шерсти, лежащие на их «укромных местах»⁴, поразили его сознание. Чувство отторгнутости, одинокого отчаяния углубляется и в случае, когда 5-летнему ребенку мать запрещает поесть самсу. Все это в совокупности сформировали душевную травму, отягощающую его жизнь. Рассказчик вспоминает, но не объясняет собственный детский поступок. Но его «психоанализ», подробное повествование детского проступка, позволяет ему изжить психологическую травму, которая осложнилась еще и его изгнанием, коллективным порицанием после падения Аколика. Осуждающие взгляды всех старших родственников, сопровождавшие мальчика, когда он, опустив голову, оставил двор⁵, сохранились в памяти. Будучи взрослым человеком, рассказчик поименно вспоминает длинный список всех, и родных, и знакомых, провожавших его укоризненными взглядами.

Рассказ «Бульбуль» посвящен жизненному пути героя по имени Бульбуль. Его автор Сухбат Афлатуни. Под этим псевдонимом пишет поэзию и прозу Евгений Викторович Абдуллаев (1971 г. р.) — известный поэт и прозаик, критик и переводчик, философ и педагог⁶, выросший и живущий в Узбекистане.

Ставший свидетелем исторически, социально и культурно меняющегося городского ландшафта от рождения до старости, Бульбуль жил на базаре — это было местом его постоянного обитания. В рассказе значимое место занимает обряд обрезания, через который в возрасте 6 лет прошел мальчик. Его громкий крик слышал весь базар. На следующий день мальчик уже лепил из глины птиц и животных с маленьким отростком, обрезанным, как у него⁷.

¹ Там же. С. 139.

² Муратханов В. Приближение к дому: Поэзия и проза. Алматы: Искандер, 2011. С. 138.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Сухбат Афлатуни — о поэте. [Электронный ресурс] // Livelib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/author/159163-suhbat-aflatuni?ysclid=m4idvkugr8635112799> (дата обращения: 18.11.2024).

⁷ Афлатуни С. Бульбуль: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 366.

Взросление мальчика с «говорящим» именем Бульбуль (рус.: соловей) сопровождается еще одной физиологической составляющей, связанной с мутацией голоса на этапе полового созревания мальчиков. Когда подросток стал ходить в школу, к его отцу наведалься школьный учитель пения и сообщил ему о том, что у его сына уникальный голос и особый талант, превосходящий даже уникальный дар Робертино Лоретти. Бульбуля следует определить в музыкальную школу¹ — таков был совет учителя. Отец же своего сына готовил к продолжению собственного ремесла — базарного «скульптора» по изготовлению из глины разных фигурок животных и свистулек. Неприятное известие подвигло отца «уничтожить» голос сына, никакой великий певец ему не был нужен. Он напоил сына, вспотевшего и разгоряченного от беготни под жарким солнцем, ледяной водой, заранее раздобытой у мороженщика. Бульбуль заболел, а хрипловатый, сиплый голос сопровождал его до конца жизни.

В прозе С. Афлатуни данный мотив носит метатекстуальный характер. В произведении «Год барана» о бездетном корейце Тельмане Киме, герою, наоборот, сохранили голос, но посредством кастрации, с тем, чтобы детский хор участвовал в районном смотре. Тельман Ким — солист хора — в это время испытывал подростковую ломку голоса. Уже будучи взрослым, Тельман Ким при встрече у костра со случайными попутчиками на вопрос, почему он бездетен, ответил, что хоровая музыка забрала его детей².

Поэтике обрядовых действий в исследуемых нами прозаических текстах характерно наличие метаморфизации, сопряженной с т. н. симпатической магией³. Родитель Бульбуля, без колебаний уничтоживший в сыне певца, ценой своей жизни спасает его от смерти. Он перевоплощается в своего сына, тем самым обманывает смерть. Вместо жизни сына она забирает жизнь отца. На Бульбуля, оформлявшего на стройке зарисовки, сверху валятся кирпичи. Мальчик в тяжелом состоянии попадает в реанимацию, куда и приходит его отец с узелком, со сложенным в нем одеждой сына. Переодевшись в нее, замотав платком голову, как у больного Бульбуля бинтами, родитель лег возле сына. «Я — Бульбуль», — сказал отец и заснул. А на утро обнаружилось, что он умер⁴.

Судьба Бульбуля, чистая и бескомпромиссная в начале, к концу повествования заканчивается драматично. Уважаемый мужчина, к которому уже обращались не иначе, как Бульбуль-ака, принимает участие в «убийстве» своего места обетованного, служившего ему и колыбелью, и домом, и школой взросления жизни — базара. И это деяние не позволило случиться метаморфозе, когда Бульбуль решил повторить отцовский опыт чудного спасения его от смерти, желая спасти девушку. Одевшись в рубашку девушки, Бульбуль лег рядом с ней, сказал: «Я — Сунбуль» и уснул. Спустя два дня он проснулся и не обнаружил рядом девушки. Его жертва не была принята. По всей видимости, размышляет Бульбуль, так распорядился преданный им базар.

В рассказе «Волчицы» писателя, художника и литературного критика, этнически крымского татарина Шевкета Кешфидинова, родившегося в Узбекистане (1991 г. р.), в 1999 г. переехавшего в Крым, а ныне живущего в Москве⁵, сакральным артефактом предстает *перстень*.

В центре повествования история одной семьи, разворачивающаяся на фоне трагичной судьбы для высленного с родной земли крымско-татарского народа, вдвойне испытавших суровую долю («Все в войну хлебнули горя полную чашу. А вам две досталось»⁶). Героини рассказа: Земине, невестка, уже через полгода войны получившая похоронку, лютящая свекровь и две золовки — сестры её погибшего мужа. От голода и болезни умирают дети Земине. Сначала смерть уносит сына. Но за жизнь дочери она пытается бороться. Усматривая спасение в перстне свекрови с изображением волчицы, тотема их жестокого рода, никому ничего не прощающего и по-настоящему никого не любящего⁷, Земине умоляет свекровь отдать его ей. Таким образом она намеревалась спасти свою дочку Шефику, откупившись от «печальника», уже готовящегося прийти для отпевания ребенка. Всегда выступаю-

¹ Там же. С. 367.

² Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 332.

³ Термин «симпатическая магия» (sympathetic magic) предложен антропологом Дж. Фрезером (см.: Фрезер, 2001: 20–68).

⁴ Афлатуни С. Бульбуль... С. 370.

⁵ Biography — Devlet Saray Museum. Shevket Keshfidinov. [Электронный ресурс] // Biography — Devlet Saray Museum. URL: <https://devletsaray.org/biography-24.html> (дата обращения: 29.11.2024).

⁶ Амит Э. О. Последний шанс: роман. М.: Советский писатель, 1998. С. 12.

⁷ Кешфидинов Ш. Р. Волчица: Рассказ // Новый Орёл+XXI век. 2023. № 38. С. 13.

щие заодно, и свекровь, и золовки — враги невестки. Земине то бредит, то впадает в беспамятное состояние. Автор рассказа сворачивает последовательное изложение событий, а в финале неожиданно появляется в этих местах некто живой¹, что означает, что в живых не осталось никого. Этим живым был муж Земине — Якуб, который обнаружил всех мертвыми. Их прибрала волчица, а перстень оказался на руке Шефики, которая, открыв глаза, увидела отца.

Следует отметить, что *обереги* (амулеты, талисманы) как детали повседневной жизни в произведениях изучаемых нами евразийских авторов встречаются часто. Например, в «Глиняных буквах...» С. Афлатуни в качестве оберега / талисмана выступает веточка *исрыка*, принесенная детьми новому учителю с тем, чтобы он защитился от мертвого учителя². У С. Янышева в «Балладе о патыре» мы встречаемся с зернышками того же *исрыка*, который герой носил на себе, защищая себя от пуль, и *исрык* спас от голодной смерти его и других солдат³. У Е. Абдуллаева это кузmunчок на лобовом стекле машины, которым его хозяин защищается от сглаза⁴. В «Разговоре: Были» Ш. Кешфиудинова повествуется о *тканевом треугольнике*, в котором персонаж Таир хранит молитвы⁵; такие треугольники в его народе принято называть *дуа*, или *дувалык*. Все эти артефакты относятся к этнокультурным образам, они как штрихи к картине мира любого народа, которые, по Г. Д. Гачеву, формируют их склад мышления и в соответствии с которыми человек ведет себя, слагает свои мысли в порядок — очевидный для одного народа, неочевидный для другого (Гачев, 1987: 165).

Этнокультурные образы городских институций (базар, музей)

Пожалуй, самый распространенный образ повседневной жизни азиатской части Евразии — это *базар*. В произведениях современных евразийских прозаиков этот образ занимает особое место. *Открытое* для постороннего взгляда пространство по сравнению с *закрытым* домом, базар является не просто местом торговли, но представляет собой особую социальную институцию.

Художественный образ базара как сакрального места, а не как экзотического, впервые появляется в повести «Завсегдатай» известного писателя узбекского происхождения Тимура Пулатова. Как отметили российские литературоведы, исследуя творчество этого прозаика:

«Пожалуй, впервые в словесности базар <...> предстает живым организмом, со своей философией, психологией, суевериями, легендами, в красках и запахах, которые разнятся в зависимости от времени года. У базара свой нрав <...>. Базар — особая модель общежития: у базара свое ревностное отношение к женитбе, семье, он не прощает предательства, ему надо отдаваться сполна <...>. Базар — сакральное пространство, несмотря на земную, плотскую функцию, сосредоточенную в его пределах» (Шафранская, Гарипова, 2024: 130, 134, 140).

Тема базара как особенного сакрального места продолжается в произведениях новой генерации евразийских писателей.

В рассказе «Бульбуль» Сухбата Афлатуни базар является эквивалентом дома, школы жизни. Если в «Завсегдатае» Т. Пулатова подтекст повествования содержит антитезу «дом — базар», то у С. Афлатуни эти концепты уравниваются; уже первое предложение: «Он родился на базаре»⁶ настраивает на такое прочтение рассказа. Пространство базара — это безграничный космос. Рассказчик акцентирует внимание читателя на том, что базар в жизни и базар на карте — отнюдь не одно и то же. Границы базара, обозначенные на карте тушью, оторваны от пульсирующей энергии повседневной жизни, выплескивающейся за пределы границ. На улицах и переулках на складных стульях, разложив свой немудреный товар, продавцы предлагают все, что имеет или не имеет цену⁷.

Там же, на базаре выбирают имя для родившегося мальчика. Имя Базарбай, выбранное отцом для сына, чтобы он «повелевал» базаром, отклоняется в силу наличия в соседней лавке одного Базарбая. И родитель нарекает сына Бульбулем, ассоциируя это имя с похожими на трели соловья звуками детских свистуллек.

¹ Там же. С. 14.

² Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 53.

³ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 75.

⁴ Абдуллаев Е. Страна Ташкения, или Летняя прогулка вдоль канала // Октябрь. 2011. № 10. С. 157.

⁵ Кешфиудинов Ш. Р. Разговор: Быль // Знамя. 2024. № 5. С. 98.

⁶ Афлатуни С. Бульбуль: Рассказ // Афлатуни С. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 363.

⁷ Там же. С. 363–364.

Бульбуль рос и вырос на базаре¹. Настоящий дом он не любил, на базаре он пел и свистел, приобретал первые навыки лепки из глины. С приходом новых времен базар претерпевал запрещения и разрешения, реконструирования и закрытия, новую реконструкцию и открытие. Мальчик вырос, обучался в училище искусств. Потом становится Бульбулем с приставкой *-ака*, человеком уважаемым, выполняющим уже дорогие заказы на изготовление скульптур. В его взрослой профессиональной карьере уже нет места тем музыкальным свистулькам, но есть глиняные Маркс, Ленин, поэт Хамза². В поздние моменты проезда мимо базара, Бульбуль-ака избегал смотреть на него. Таким образом, подводит автор своего читателя к восприятию образа базара. Базар содержит в себе некую одухотворенную субстанцию, не прощающей предательства.

Образ музея в прозаических произведениях некоторых современных евразийских писателей предстает не в его традиционной ипостаси — государственное или частное культурное учреждение в пространстве города (см. например: «Рассказ коллекционера» С. Афлатуни, в котором воссоздана создает гротесковая пародия на подобный музей)³, монолитное и статичное. Мы встречаемся с динамичным образом музея — *процесса*, характеризующего постсоветский период.

Рассказ «Ребро барана»⁴ писателя и ученого-филолога Александра Грищенко, родившегося в Ташкенте (1983 г. р.), а с 2000 г. живущего в Москве, предваряется эпиграфом, в котором фраза «вечный узник Ташкента», привлекает внимание, словно указывая на невозможность освободиться от картины мира, сформированной в конкретной среде:

«... я прошел сквозь него, не замедлив шага —
он растерян моргал за спиной,
вечный узник Ташкента,
кровоточащий сбивчивым монологом.
Вадим Муратханов»⁵.

В этом произведении повествуется и об особенной коллекции одного из персонажей — ташкентца Рахима, скупавшего за бесценок, но чаще выменивающего на кислое молоко, заквашенное его женой — Фаридой-опа, у покидающих Ташкент русских. Подобно бальзаковскому Гобсеку, он любил рассматривать свои сокровища, среди которых были шахматные фигуры из слоновой кости, самовары, медные трубы, керосиновые лампы, бронзовое распятие, сделанные из гипса губы Давида и аж «четыре с половиной бюстика Сталина» из алюминия, выстраиваемые им «строго по росту, как в армии учили». Рахим очень дорожил всем этим «счастьем», свалившимся на его голову, он был твердо уверен в том, что с отъездом русских в его городе больше не будет ничего подобного. Образ рахимовского музея как бы завершает практически полтора-столетний проект русского Туркестана. Появившиеся здесь непрошенными, русские уезжали, завершая этот длительный исторический этап; они оставались на кладбищах, а по улицам города двигались их изможденные тени⁶. Их присутствие здесь и теперь воплощено и в этом необычном музее Рахима, свидетельствующем о драматическом периоде истории.

У С. Афлатуни заглавие рассказа «Русский музей»⁷ имеет двойную номинацию. Это и отсылка к Государственному Русскому музею в Санкт-Петербурге, где работала героиня Баболя (баба Оля) еще до начала Второй мировой войны, и музей, наполняемый хламом, подобно рахимовскому музею, Сергеем (Сирожетдином), нацеленным на вещи отъезжающих русских. Привитая ему Бабой Олей любовь не только к вещам, хранящим память об их предыдущих владельцах и символизирующим новый этап истории, распространялась на все «русское», запечатленное в памяти: рассказы о блокаде Ленинграда, его площадях, проспектах и улицах. Образ этого города теоретически был им усвоен от Бабы Оли, попавшей в среднеазиатский город во времена эвакуации.

¹ Там же. С. 364.

² Там же. С. 375.

³ Афлатуни С. Октябрь: Рассказ коллекционера // Октябрь. 2014. № 10. С. 80–83.

⁴ Грищенко А. Ребро барана: Рассказ // Октябрь. 2009. № 6. С. 139.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Афлатуни С. Русский музей: Рассказ // Афлатуни С. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 5–14.

Бывшие когда-то модными пиджаки и платья, старые комоды, столы и стулья, картины и фотографии, большие люстры, тарелки с трещинами, половики, — все это стало «Русским музеем» Сирожетдина. В мечтах о скором времени отъезда всех русских он лелеял мечту об открытии собственного, частного музея, в котором он видел и «королевскую» кровать Бабы Оли с изображениями морд «львов и грифонов» и ножками «в виде львиных лап». Баба Оля умерла, а возжеленная кровать развалилась на части, когда ее стали двигать. Каждый, кто пришел помянуть Бабу Олю, унес с собой по фрагменту этой кровати на память. «Королевская» кровать — символ развала «русской цивилизации», привнесенной в середине XIX в. в эти края. Такова поэтика художественного образа «музея», родившегося на рубеже смены «цивилизационного» вектора на евразийской территории.

В точке крушения длившейся полтора столетия цивилизации смыкаются образы *базара* и *музея*. В. Муратханов в основанном на реальных наблюдениях очерке «Первородный грех колониста» отмечает, что в Ташкенте единственным местом, где можно было увидеть сразу и много русских, была «толкучка». Тут встречались все — бывшие: ставшие не востребованными преподаватели, находящиеся в поисках заказов технические работники с золотыми руками, ищущие случайную возможность заработать рабочие с остановивших работу предприятий. Разложенные перед ними на картонках предметы: запчасти и железки не пользовались спросом, на вырученные деньги можно было приобрести лишь нехитрую закуску и выпивку¹.

Этнокультурные образы из круга гастрономических реалий

Национальная еда в художественных произведениях включает в себе культурные смыслы, выражающие специфику конкретного географического места обитания народа. «Каждый этнос рождается на своей земле» (Гачев, 2008: 61), — пишет Г. Д. Гачев; отсюда «пища — есть та часть национального Космоса, внешнего мира, которая пригодна войти внутрь нас, в святилище нашей тонкой и нежной внутренности, внутреннего мира» (там же: 63). Все, что произрастает на конкретной территории, какой род этнических способов хозяйствования культивируется, какие эстетически-вкусовые предпочтения у того или иного народа — все значимо для понимания национальных картин мира (там же: 61–70).

В современной евразийской прозе мотив *еды* представлен достаточно богато. Как и в прозе Т. Пулатова, где этот мотив является одним из «паттернов национальной картины мира среднеазиатского Востока» (Шафранская, Гарипова, 2024: 168), так и в произведениях современных евразийских авторов тема еды и «соплетается с экзистенциальными наблюдениями» (там же).

В повести «Крылатая невеста Махди» казахстанского писателя и литературного переводчика Ильи Одегова, родившегося в Новосибирске (1981 г. р.), но выросшего и живущего в Алматы, приводится богатый ряд гастрономических реалий.

Здесь и *бешбармак* («О, беш!»²), *казы* и *карта*, *куырдак* и *кумыс*. Этими блюдами аульчане — казахи угощают русского парня по имени Игорь, потому что он гость. Еркебулан, местный житель, говорит гостю, что «пир горой», устроенный перед ним, не является повседневной практикой. Жители аула живут скромно и трудно, но это угощение — особый знак казахов. Это обязательное уважение к любому человеку, посетившего дом, для гостя выставляется все самое лучшее³.

Разнообразные гастрономические реалии представлены во многих произведениях евразийских авторов. Приведем несколько примеров на несущей историческую и философскую коннотацию реалии — *хлебе*. Сакральное отношение к хлебу характерно для всех народов, в том числе центральноазиатским. «Восточный хлеб — лепешки — еда сакральная. Ею поминают предков» (Шафранская, Гарипова, 2024: 165). У А. Грищенко встречаем непреложный закон восточных народов: «А выкидывать хлеб в мусорку — грех»⁴.

¹ Муратханов В. Первородный грех колониста // Дружба народов. 2005. № 6. С. 166.

² Одегов И. Крылатая невеста Махди: Повесть // Дружба народов. 2020. № 8. С. 109.

³ Там же. С. 112.

⁴ Грищенко А. Вспять: Большое стихотворение в прозе // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 78.

Украденный хлеб — узбекские лепешки в рассказе Ш. Кешфидинова «Прости грехи наши» — является собой рубеж между смертью и жизнью. Рассказчик повествует о своих детских впечатлениях. Их семью и все соседние семьи из Крыма — родной земли перевезли на чужую, жаркую и неприветливую землю, где многие из них от голода умирали. «Воровство» мальчика, с одной стороны, поступок аморальный, но с другой — спасительный. Обсуждая его, мама и бабушка мальчика пытаются осознать этот поступок. Мудрый вывод о поступке внука делает старая женщина:

«Если бы не он, мы умерли бы с голоду. Сама знаешь, если бы не эти три лепешки... <...> Кто украл хлеб, тот не вор»¹.

«Воровство» хлеба можно рассматривать как инициацию рассказчика. *Инициация — это стадия временной смерти, чтобы возродиться для новой жизни.* Если до кражи хлеба мальчик не находил общего языка со сверстниками, то после него он «возродился» для новой жизни, — отчуждение от других детей отступило. До дней создания рассказа повествующий испытывает не исчезающее из памяти, благодарное чувство к той молодой женщине, у которой он украл лепешки. Он думает о ней и желает встретить её.

Лепешка в рассказе С. Афлатуни «Ночь коротка» выполняет сакральную функцию. Будучи ребенком, рассказчик роняет лепешку в арык и сильно пугается. Он бежит за уносимой течением лепешкой, заранее осознавая, что водный поток унесет её в море, а он утонет. Однако лепешка доплыла до небольшого водоема с рыбами, которые набросились на неё. В момент, когда он приготовился камнем бить этих рыб, мальчика остановил мулла, сказавший ему, что это праведники, а не рыбы, и они когда-нибудь за доброе дело отблагодарят его. Хлеб был принесен мальчиком в жертву².

В освещении темы хлеба евразийские писатели следуют устоявшимся в народе традициям. Мальчику по имени Душан в произведении Т. Пулатова «Страсти бухарского дома» старый и мудрый человек — бабушка говорит: «Поцелуй быстро хлеб и попроси у него прощения, негодный!.. Хлеб нельзя ронять, проси прощения!»³, — таким образом приучая внука почтительно относиться к хлебу.

Короткий рассказ «Баллада о патыре» в книге «Умр» С. Янышева посвящен спасительной роли лепешки во время войны. В центре повествования пятнадцать «советских солдат, окруженных фронтом, болотами». Все они: комиссар Петелькин и политрук Птичкин, ефрейтор Минц и солдат Серега-Суслик, красноармеец Рустамов Азамат и другие, «почти безоружные, обескровленные, среди выгоревших дочерна сосен, чьими призраками они теперь, по сути, являлись», были заражены «чумой, зовущейся унынием». Семеро из них раненых, «трое — смертельно, четверо — не смертельно» и остальные понимали, что будут съедены⁴. Партизан Рустамов, «почти обезумев от окружающих стонов» уходит на поиски глины. Из нее он сооружает *тандыр*, в которых узбеки традиционно выпекают *патыр* — лепешку. В последнюю картофелину, размятую комиссаром, Азамат всыпает «сухие белесые почки какого-то растения», вынув их из тряпицы, висевшей у него на шее — зернышки *исрыка*. Уныние было побеждено не столько узбекским *патыром*, сколько поступком, который, учитывая отчаянные обстоятельства солдат, можно назвать подвигом.

Заключение

В прозе Сухбата Афлатуни, Вадима Муратханова, Санджара Янышева, Шевкета Кешфидинова, Александра Грищенко, Ильи Одегова доминантой выступает не русская культура, а этнический метатекст, с которым они ассоциируют себя и на который указывает их становление «в атмосфере определенной национальной культуры» (Г. Гачев). Поэтика созданных ими этнокультурных образов отражает наделенную экзистенциальными функциями мифологию повседневности. В данной работе мы сосредоточились на некоторых из них: ритуально-обрядовая жизнь (обрезание), элементы т. н. симпатической магии, вера в метаморфизм (превращение), артефакты, несущие метафизическую нагрузку (оберег, амулет), пространство — базар и музей, артефакт гастрономии (хлеб — лепешка).

¹ Кешфидинов Ш. Р. Прости грехи наши: Рассказ // Звезда. 2024. № 10. С. 10.

² Афлатуни С. Ночь коротка: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021. С. 270.

³ Пулатов Т. И. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Современный писатель, 1995–1999. Т. 2. С. 39.

⁴ Янышев С. Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. С. 74–75.

Суммируя нашу аналитику, можно сделать вывод о том, что круг перечисленных выше писателей и их творчество свидетельствует о схожести антропологических тенденций и экзистенциальных проблем, воплощенных в художественной образности их прозаических произведений. Можно говорить и о сходстве «семантической вселенной» (термин В. В. Налимова, Ж. А. Дрогалиной, см.: Налимов, Дрогалина, 1984), одновременно явленной в разных точках Земли — в нашем случае евразийской «ойкумене», о чем определенно говорится в «Мировой республики литературы»¹. Её автор — французская исследовательница П. Казанова отмечает, для того, чтобы увидеть оригинальность отдельного литературного произведения, следует взглянуть на совокупность текстов, их поэтику, поскольку каждая книга, появившаяся в мире является частью этой совокупности (Казанова, 2003).

Поколенческое отличие от предшествующего круга «русскоязычных» писателей выражается в интровертной поэтике образности в их текстах, в обостренном чувстве самоидентификации и саморефлексии, обусловленной социальными и политическими переменами и экзистенциальной потребностью «работы с горем» для формирования новой исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев, Е. (2006) Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // Вопросы литературы. № 3. С. 320–326.

Аннинский, Л. А. (2001) Русские плюс... М. : Алгоритм. 384 с.

Арзамазов, А. А. (2021) Между «своим» и «чужим»: языковые и художественные реалии, проблемы, перспективы литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 246–255.

Бахтикиева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБОиМИ. 259 с.

Бахтикиева, У. М. (2021) Русофон — Русофонный — Русофония — Русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 18. № 1. С. 11–17.

Бахтикиева, У. М. (2024) Георгий Гачев и его метод мышления: меняя человека и мир // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Бахтикиева, У. М., Валикова, О. А. (2017) Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 14. № 1. С. 18–23.

Бахтикиева, У. М., Валикова, О. А. (2022) «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 1. С. 184–200.

Бахтикиева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 263–273.

Гарипова, Г. Т. (2024) Образ мыслящего мира «за пределами мозга» в романе Киора Янева «Южная Мангазея» // Палимпсест: Литературоведческий журнал. № 1 (21). С. 50–70.

Гачев, Г. Д. (1987) Национальные образы мира // Вопросы литературы. № 10. С. 156–191.

Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.

Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо. 544 с.

Елеукунов, Ш. Р. (2013) Евразийский талисман. О литературных истоках движения // Классические исследования: Многотомник. Евразийство и диалог культур. / под ред. У. К. Калижанова. Алматы : Эдебиет әлемі. Т. 19. 396 с. С. 255–290.

Казанова, П. (2003) Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М. : Издательство им. Сабашниковых. 416 с.

Колмогорова, Т. Н. (2015) Этнокультурное своеобразие картины мира. О рассказах С. Афлатуни, В. Муратханова, И. Одегова, А. Торка, С. Янышева // Вопросы литературы. № 1. С. 260–283.

¹ Казанова П. Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

Налимов, В. В., Дрогалина, Ж. А. (1984) Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. Т. 5. № 6. С. 111–122.

Токарева, Н. А. (2024) Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 21. № 2. С. 260–279.

Фрэзер, Дж. Дж. (2001) Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. / пер. с англ. М. Рыклина. М. : ТЕРРА — Книжный клуб. Т. 1. 528 с.

Хухуни, Г. Т., Валуицева, И. И. (2021) Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг? // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6–2. С. 227–233.

Шафранская, Э. Ф. (2023) Постсоветская проблематика в современной русской транскультурной литературе: роман «Руки-реки» Лианы Шахвердян // Этнос и судьбы в современном социуме: теория и практика/ под ред. М. П. Жигаловой. Брест : БрГТУ. 224 с. С. 54–61.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2024) Проза Тимура Пулатова : этнокультурный дискурс. СПб. : Свое издательство. 300 с.

Эткинд, А. М. (2016) Кривое горе: Память о непогребенных. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Дата поступления: 16.12.2024 г.

Дата принятия: 08.01.2025 г.

REFERENCES

Abdullaev, E. (2006) Contemporary Russian literature of Central Asia: a case of multilayered reflection. *Voprosy literatury*, no. 3, pp. 320–326. (In Russ.)

Anninsky, L. A. (2001) *Russians plus...* Moscow, Algoritm. 384 p. (In Russ.)

Arzamazov, A. A. (2021) Between 'one's own' and 'the alien': linguistic and artistic realities, problems and prospects of the literature of the peoples of the Far North and the Far East. *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 246–255. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *The creative bilingual personality (features of the Russian text of a Turkic author)*. Astana, TsBOiMI. 259 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2021) Russophone — Russophonic — Russophonia — Russophonic literature: global or local words? *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 18, no. 1, pp. 11–17. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2024) Georgy Gachev and his method of thinking: changing the person and the world. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2017) The origins of translanguaging Russian-language literature. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 14, no. 1, pp. 18–23. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2022) 'Language keys': foreign vocabulary in the translanguaging (Russo-phone) literary text. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov Seriya Teoriya yazyka Semiotika Semantika*, vol. 13, no. 1, pp. 184–200. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) On the 'Agora' today: approaches to the study of translanguaging literature. *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 263–273. (In Russ.)

Garipova, G. T. (2024) The image of the thinking world 'beyond the brain' in the novel *Southern Mangazeya* by Kior Yanov. *Palimpsest Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(21), pp. 50–70. (In Russ.)

Gachev, G. D. (1987) National images of the world. *Voprosy literatury*, no. 10, pp. 156–191. (In Russ.)

Gachev, G. D. (2002) *National images of the world Caucasus Intellectual journeys from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatelskii servis. 416 p. (In Russ.)

Gachev, G. D. (2008) *Mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm Eksmo. 544 p. (In Russ.)

Eleukenov, Sh. R. (2013) The Eurasian talisman On the literary origins of the movement. In: Kalizhanov U. K. (ed.) *Classical studies: Collected volumes Eurasianism and dialogue of cultures*. Vol. 19. Almaty, Adebiet Alemi. 396 p. Pp. 255–290. (In Russ.)

Casanova, P. (2003) *The world republic of letters*, trans. by M. Kozhevnikova and M. Letarova-Gister. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. 416 p. (In Russ.)

Kolmogorova, T. N. (2015) Ethnocultural distinctiveness of the worldview: on the stories by S. Aflatuni, V. Murat-khanov, I. Odegov, A. Tork, S. Yanyshhev. *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 260–283. (In Russ.)

Nalimov, V. V. and Drogalina, Zh. A. (1984) A probabilistic model of the unconscious. The unconscious as a manifestation of the semantic universe, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 5, no. 6, pp. 111–122. (In Russ.)

Tokareva, N. A. (2024) Ethnic and linguistic self-identification of Namzhil Nimbuev in poetic discourse. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki*, vol. 21, no. 2, pp. 260–279. (In Russ.)

Frazer, J. G. (2001) *The golden bough A study in magic and religion*: in 2 vols. Trans. by M. Rykhlin. Moscow, TERRA — Knizhnyi klub. Vol. 1. 528 p. (In Russ.)

Khukhuni, G. T. and Valuytseva, I. I. (2021) Bilingual creativity: code-switching or language shift? *Filologicheskie nauki Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6–2, pp. 227–233. (In Russ.)

Shafranskaia, E. F. (2023) Post-Soviet themes in contemporary Russian transcultural literature: the novel *Hands-Rivers* by Liana Shakhverdyan. In: Zhigalova, M. P. (ed.) *Ethnicities and destinies in the modern society Theory and practice*. Brest, BrGTU. 224 p. Pp. 54–61. (In Russ.)

Shafranskaia, E. F. and Garipova, G. T. (2024) *The prose of Timur Pulatov Ethnocultural discourse*. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo. 300 p. (In Russ.)

Etkind, A. M. (2016) *Warped mourning Memory of the unburied*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)

Submission date: 16.12.2024.

Acceptance date: 08.01.2025.